

— Неужели вам нездоровится, супруг мой? — видя, что Гун Юньшу постоянно витает в облаках, обеспокоенно спросила Хуа Жолянью.

— Нет... вовсе нет. Ваше Высочество, Юньшу просто... я польщен тем, что удостоился вашего приглашения, — Гун Юньшу разрывалась между радостью и тревогой, и это смятение приводило её в замешательство. Она украдкой подняла взгляд на Хуа Жолянью, и та ответила ей мягкой улыбкой, от которой даже весенний сад вокруг померк.

Гун Юньшу заворуженно смотрела на неё секунды три, а затем, осознав свою дерзость, отвела глаза. Даже лишний взгляд казался ей святотатством.

— Супруг мой, мне бы хотелось увидеть в вас ту самую героическую отвагу, с которой вы в одиночку противостояли тысячам врагов в тронном зале, — глядя на неё, Хуа Жолянь даже забыла о привычном обращении Ваше Высочество.

Среди знати немало было тех, кто походил на Гун Юньшу, но лишь она одна умела дарить Хуа Жолянью чувство покоя. Принцессе нравились её ясные глаза и искренность, с которой та выражала свои чувства.

— Ваше Высочество — не мой враг, и я не должна проявлять к вам подобную суровость.

— А что же тогда мне подобает? — Хуа Жолянь улыбнулась, и в её глазах отразилось бесконечное очарование.

— Мне подобает рыцарская нежность, — Гун Юньшу больше не терзалась сомнениями. Было бы глупо отрицать очевидное: она любит Хуа Жолянью, любит той самой любовью, что вспыхивает между мужчиной и женщиной. Бежать от этого было бессмысленно. Она, не отводя горящего взгляда, произнесла эти слова, а затем опустилась на колени, и в её звездных глазах застыла решимость. — Ваше Высочество, я должна признаться вам в одном деле.

Скрывать? Но как долго это удастся? Гун Юньшу знала, что любит её, и продолжать обман — значит проявлять неуважение. Если однажды правда вскроется, как она посмотрит в глаза Хуа Жолянью? Она должна была открыть свою тайну — тайну своего женского пола. Но как же было страшно...

Заметив её колебания, Хуа Жолянь и сама заинтриговалась — в чем же та хочет покаяться? Впрочем, разве сама она не скрывала от неё многое?

Руки у принцессы были прохладными, хрупкими, но она все равно попыталась помочь Гун Юньшу подняться. Та не посмела оставаться на коленях — зная о слабости здоровья Хуа Жолянью, она побоялась переутомить её и послушно встала.

— Супруг мой.

— Принцесса?

— Если чувствуешь, что сейчас не время говорить, то и не надо, — Хуа Жолянй разжала пальцы, которыми держала Гун Юньшу за рукав.

Оставленный ею легкий аромат заставил сердце Гун Юньшу учащенно забиться.

— Но...

— Супруг мой, у каждого свои тайны. У меня они тоже есть, и я далеко не во всем откровенна с вами. Мы хоть и муж и жена, но лишь по названию. Вам нет нужды торопиться открывать мне свою душу.

Эти слова тронули Гун Юньшу. Действительно, спешить не стоит. Если сейчас правда выйдет наружу, а принц Жунжань еще не покинул столицу, император Вэнь, чтобы заткнуть рты сплетникам, вполне может выдать Хуа Жолянй за него замуж. Этого допустить было нельзя.

Увидев, что Хуа Жолянй отвернулась, чтобы полюбоваться цветами, Гун Юньшу приободрилась и последовала за ней.

На белоснежном пальце принцессы присела бабочка и не желала улетать. Бабочки любят всё прекрасное, как и Гун Юньшу. Пусть пока всё остается так, как есть — фальшивый брак, призрачное счастье.

В её глазах промелькнула нежность. По крайней мере, сейчас она может быть так близко. Стоит лишь протянуть руку — и можно коснуться. Где правда, где сон — не разобрать. Одурманенная чувствами, Гун Юньшу прошептала:

— Принцесса.

— Супруг мой, — та обернулась, одарив её улыбкой, полной женского очарования.

Они были молоды, и чувства их только пробуждались. Гун Юньшу заворуженно шагнула вперед, не скрывая пылающей в глазах любви. Улыбка Хуа Жолянй стала глубже. Когда их взгляды встретились, даже бабочка, словно застеснявшись, тихо упорхнула, но, кажется, желая досмотреть эту сладкую сцену, принялась кружить у них над головами.

Желание красоты — естество человеческое.

Кто устоит перед такой прелестью?

Тот поцелуй, случившийся ночью под влиянием хмеля, до сих пор сладостным эхом отдавался в сердце Гун Юньшу.

Она подалась вперед. Этот поцелуй был робким и сдержанным — рожденный из чувств, но ограниченный приличиями.

Когда они отстранились, Гун Юньшу первой смутилась.

Неужели она только что поцеловала Хуа Жолянь? Должно быть, это сон. Но сладость на губах убеждала её в обратном. Гун Юньшу глупо улыбалась, чувствуя себя так, будто одержала великую победу. Даже бабочка, не выдержав, улетела прочь.

Этот простак... — на губах Хуа Жолянь заиграла снисходительная улыбка.

Если взглянуть со стороны, они напоминали картину: доблестный полководец и нежная принцесса, связанные узами глубокой любви.

В персиковых глазах принцессы плескалась густая нежность. Но вот она померкла, и на смену ей пришла легкая, едва уловимая печаль.

Если человек искренне любит другого, он радуется его радостям и скорбит его печалью. Гун Юньшу была такой же. Заметив тень на лице Хуа Жолянь, она встревоженно спросила:

— Принцесса?

— Юньшу.

Это простое имя, произнесенное ею, заставило уголки губ Гун Юньшу невольно поползти вверх.

— Отец-император может отправить тебя обратно на север раньше срока. Твои успехи в столице слишком ярки. Когда это случится, не спорь, просто спокойно уезжай. Император занимает высокое положение, и ему свойственна подозрительность.

— А как же вы, принцесса?

По заведенным обычаям, семьи военачальников оставались в столице в качестве заложников. Стоило генералу проявить хоть каплю неповиновения, как его близкие оказывались на краю гибели.

Гун Юньшу сжала кулаки. Она еще в тот день в тронном зале разгадала истинное лицо

императора Вэня. Оставлять здесь Хуа Жолянй она не желала ни при каких обстоятельствах.

— Я уже привыкла, — Хуа Жолянй умолкла, и её чарующая улыбка стала горькой.

— Принцесса... — с болью в сердце позвала Гун Юньшу.

— Все в мире завидуют членам императорской семьи, но кто знает, каково это — быть ими? С самого моего рождения судьба была предрешена. К счастью, я встретила тебя, Юньшу.

В её словах было столько безысходности, что сердце Гун Юньшу сжалось еще сильнее. Она вновь возненавидела себя за бессилие — она не могла защитить даже того, кто ей дорог. Нарушая все границы, она обняла Хуа Жолянй. Та была такой хрупкой, что Гун Юньшу невольно сжала объятия крепче, шепча ей на ухо:

— Что мне сделать?

Хуа Жолянй чувствовала её тепло, но улыбнуться не могла.

Очередная рыбка попалась на крючок...

Её руки, до этого безвольно опущенные, дрогнули и медленно обняли Гун Юньшу в ответ. В душе она без конца твердила: прости меня.

Гун Юньшу не видела выражения лица принцессы, но чувствовала её боль.

Отстранившись, Хуа Жолянй сказала:

— Супругу лучше не вмешиваться в дела императорской семьи.

Она применила тактику отступления, чтобы притянуть еще сильнее. Хуа Жолянй было жаль её — она не хотела, чтобы ясные звездные глаза Гун Юньшу стали такими же бездонными и мрачными, как её собственные.

— Принцесса, — взгляд Гун Юньшу горел решимостью, — я сказала, что вы моя жена. Если жена в беде, разве может муж стоять в стороне?

Нет слов слаще, чем признания в любви.

Хуа Жолянй улыбнулась — зрелище, способное свести с ума весь мир.

— Это тебя не касается. Уходи.

Гун Юньшу не хотела уходить, но и Хуа Жолянй не стала звать стражу, чтобы выставить её. Она стояла на месте, пристально глядя на принцессу.

Раз ты не хочешь говорить, я сама всё узнаю.

— Юньшу прощается.

На следующий день Гун Юньшу принимала тех, кто пытался переманить её на свою сторону, и попутно расспрашивала о делах дворца. Постепенно она начала понимать, в какие дебри попала.

Когда Хуа Жолянй было пять лет, император Вэнь обвинил её мать в колдовстве и казнил. Позже, неизвестно от чьей руки, принцесса получила тяжелую болезнь, подорвавшую её здоровье. От этих мыслей сердце Гун Юньшу обливалось кровью. Позже старший принц пытался склонить Хуа Жолянй на свою сторону, но, получив отказ, начал всячески ей вредить.

Сегодня борьба за престол стала еще ожесточеннее. Будучи законной принцессой новой династии, Хуа Жолянй никак не могла остаться в стороне. Но что может сделать старшая принцесса, у которой есть лишь титул, но нет реальной власти? Одно неверное движение — и она сгорит в этом пламени.

Глаза Гун Юньшу были полны тревоги. Как она спасется, когда её не будет рядом? Полагаться на императора Вэня, который готов продать собственную дочь ради выгоды, было невозможно.

Четвертый принц Хуа Жоли, кажется, был старым знакомым Хуа Жолянй. Если бы он взошел на престол...

...

Император Вэнь, сославшись на то, что армия Севера не может долго оставаться без командующего, сократил месячный отпуск до семи дней. Через неделю она должна была покинуть столицу. В зале Янсинь император разглядывал Гун Юньшу, которая безропотно приняла указ, и так сильно сжал в руках донесение, что на бумаге остались следы от пальцев. Старший принц докладывал, что Гун Юньшу пытается сблизиться с сановниками, что может быть невыгодно императору.

Невыгодно — что это значит? Смысл был ясен: попытка узурпации власти.

Гун Юньшу вышла из зала, и на её лице невозможно было прочесть мысли. Шесть дней из семи уже прошли. Остался последний. Разве не этого она хотела — держаться подальше от придворных интриг? Но в этот момент Гун Юньшу меньше всего на свете хотела уезжать.

Если она уедет, что станет с Хуа Жолянью?

Столица сияла огнями, люди гуляли допоздна. Мимо проехала роскошная карета, и кто-то из зевак с любопытством спросил: Чья это карета?

Любители сплетен тут же подхватили: Это карета того самого Нефритового генерала. Судя по направлению, едет в резиденцию принцессы. Хе-хе, молодожены, как же им не позавидовать...

В тот день Хуа Жолянь снова вызвала Гун Юньшу к себе.

Гун Юньшу вышла из кареты, одетая в простое светлое платье. В походах, когда нужно идти в разведку, в яркой одежде легко себя обнаружить, поэтому она привыкла к неброским тонам. В этом они с Хуа Жолянью были похожи.

С тяжелым сердцем Гун Юньшу вошла в резиденцию. Что бы ни случилось, сегодня она должна вступить в борьбу за престол. Она не могла позволить Хуа Жолянью погрязнуть в этом, оставаясь в стороне.

— Юньшу, ты пришла, — Хуа Жолянь безмятежно улыбнулась, выглядя совершенно спокойной, словно её ничуть не беспокоило решение императора.

— Принцесса, — тихо позвала Гун Юньшу, нахмурившись, и сменила тон: — Завтра последний день, и я уезжаю. Принцесса, я не хочу, чтобы вы оставались здесь одна среди этих распрей.

Хуа Жолянь не ответила сразу. Опустив ресницы, она задумалась, закусив губу и спросила:

— Если ты твердо решила вмешаться, задумывалась ли ты о последствиях? Если проиграешь, потеряешь всё.

— Рассуждая здраво: старший принц порочен, третий — коварен. Четвертый же принц правит отдаленным Сиву, бесплодным краем, но смог навести там идеальный порядок. Это доказывает, что он человек способный и добродетельный. Такой станет мудрым правителем. Разве не к мудрому правителю стремится любой чиновник?

— А по велению сердца: Юньшу — супруг принцессы, — она осеклась, но смысл был ясен. Я ваш супруг, а разве хороший муж позволит своей жене в одиночку встречать опасность?

— Хорошо сказано, — Хуа Жолянь едва не захлопала в ладоши. — Но, супруг мой, я помню, как в тот день в тронном зале ты клялась, что хочешь уйти в отставку и вернуться домой. А теперь рассуждаешь о долге чиновника. Не противоречишь ли ты сама себе? — это был упрек, но в голосе слышались кокетство и нежность.

Разум и чувства — чувства были важнее. Хуа Жолянь сразу видела её насквозь, и решительный взгляд Гун Юньшу дрогнул. Она жалобно проговорила:

— Принцесса, пусть будет по велению сердца, ладно?

Улыбка исчезла с лица Хуа Жолянь.

— Ты уверена, что хочешь в это ввязаться?

— Уверена. Юньшу не пожалеет.

— Я тоже поддерживаю четвертого принца. Если он взойдет на трон, мне это принесет много выгод. Но для тебя... У тебя в руках сотни тысяч воинов, и если ты поддержишь его, а он победит, он непременно щедро тебя наградит. Но все, кто стоит на вершине, знают: когда зайцы переловлены, гончих варят; когда птицы перебиты, лук прячут; когда враг разбит, советник погибает.

— Тогда Юньшу уйдет в затворничество в горы. Больше никогда не коснусь этих дел. Если... если...

Хуа Жолянь кивком побудила её продолжать.

— Если принцесса тогда не побрезгует тем, что Юньшу — лишь простая простолюдинка, и пожелает уйти со мной в далекие края...

Не успела она закончить, как Хуа Жолянь ответила:

— Я согласна.

Хунъянь, охранявшая вход в сад, даже постеснялась заглянуть внутрь. Принцесса и её супруг ничего особенного не делали, но тишина говорила громче всяких слов, и в воздухе разлилась такая розовая нежность, что ей было неловко мешать.

Настало время расставания.

В ту ночь супруг остался в резиденции принцессы.

Хунъянь принесла густой черный отвар. От одного только резкого запаха лекарства Гун Юньшу, стоявшая рядом, невольно поморщилась.

Смотря на то, как Хуа Жолянь спокойно выпивает это зелье, Гун Юньшу почувствовала

тяжесть на душе. Говорили, что слабое здоровье принцессы — не врожденное, а следствие козней злодеев.

Хунъянь удалилась.

Пришло время ложиться спать.

Гун Юньшу чинно стояла в стороне, дожидаясь, пока Хуа Жолянь ляжет. Только тогда она осмелилась пошевелиться, сжалась на самом краю кровати и осторожно прилегла.

Видя это, Хуа Жолянь, лежавшая у стены, невольно улыбнулась:

— Не нужно быть такой скованной.

Принцессы прошлых эпох часто выходили замуж по приказу императора, не питая к мужьям никаких чувств. После свадьбы супруги жили в резиденциях принцесс, и без особого приглашения им вход туда был заказан, поэтому многие принцессы заводили любовников на стороне.

Гун Юньшу была другой.

Хуа Жолянь не хотела, чтобы та была такой подчеркнуто вежливой. Она не требовала бесстыдства, просто хотела, чтобы, оставаясь наедине с ней, Гун Юньшу не была такой осторожной.

Гун Юньшу моргнула. Они лежали спина к спине, но, услышав это, она тихо перевернулась. В воздухе витал аромат Хуа Жолянь, смешанный с легким запахом лекарств.

Очень необычный аромат.

Вспомнив, что та говорила ей в брачную ночь, Хуа Жолянь тихо прошептала:

— Хунъянь сведуща в медицине. Завтра я попрошу её осмотреть тебя, твое... — она была принцессой, и слово неспособность к деторождению застряло у неё в горле.

— Не нужно, — выпалила Гун Юньшу. Если Хунъянь её осмотрит, её женская сущность будет раскрыта. Как тогда смотреть в глаза Хуа Жолянь? Поняв, что её тон был слишком резким, она поспешно добавила: — Хунъянь ведь еще незамужняя девушка.

Хуа Жолянь подумала и согласилась. Ей стало жаль Гун Юньшу: столько лет на полях сражений, а в итоге — проблемы с наследниками. Есть три вида несыновней почтительности, и

отсутствие потомства — величайшая из них. В мире много знаменитых врачей, я найду способ тебе помочь.

Смеяться ей или плакать? Гун Юньшу тихо промычала в ответ, не желая продолжать этот неловкий разговор.

При нынешних обстоятельствах, если бы она действительно могла зачать ребенка, это было бы куда страшнее. Решив притворяться мужчиной и идти на войну, она уже приготовилась к одинокой жизни.

Но сейчас, чувствуя исходящее от Хуа Жолянй успокаивающее тепло, Гун Юньшу пошевелила пальцами и осторожно обняла её за тонкую талию.

— Гун Юньшу, ты... — от внезапного прикосновения тело Хуа Жолянй напряглось, но, осознав, что та становится всё смелее, она смущенно проворчала.

— Принцесса, вы сами сказали не быть скованной, — в её голосе звучала обида, но руки сжали талию еще крепче. — Юньшу скоро уедет.

Завтра — и она покинет столицу. Север далеко, и видеться они будут не скоро. От этой мысли на душе стало тошно, и она возненавидела себя: почему она не родилась мужчиной? Тогда она могла бы по-настоящему её защитить.

Завтра её ждет путь, и Хуа Жолянй не стала противиться. Найдя себе оправдание, она позволила Гун Юньшу обнимать себя.

Они заснули в объятиях, и ночь была полна прекрасных снов.

День второй. Последний из семи. Этот день не обещал быть легким. Хуа Жоли с самого утра пришел в резиденцию принцессы, чтобы навестить старшую сестру. В это время Хуа Жолянй и Гун Юньшу заканчивали завтрак. Увидев брата, принцесса знаком велела всем выйти.

Убедившись, что никого нет, Хуа Жоли поклонился:

— Старшая сестра, генерал Гун.

Он невозмутимо взглянул на Гун Юньшу, сидевшую рядом с Хуа Жолянй, и в его глазах блеснул темный огонек.

После обмена любезностями разговор наконец перешел к борьбе за престол. Узнав, что Гун Юньшу готова помочь, Хуа Жоли рассыпался в обещаниях. Он даже пообещал, что, став императором, дарует ей титул главнокомандующего первого ранга. Гун Юньшу это было

неинтересно, и она хотела отказаться, но Хуа Жоляннь легонько кашлянула.

— Принцесса! — Старшая сестра! — оба встревоженно посмотрели на неё.

— Ничего, я просто немного устала.

Хуа Жоли, вспомнив, что пришел слишком рано и побеспокоил сестру, почувствовал досаду, нашел предлог и удалился.

— Принцесса, почему вы не дали мне отказаться?

Она всё поняла. Хуа Жоляннь слегка усмехнулась. Гун Юньшу была удачлива, став её супругом, но этот необработанный нефрит еще требовал огранки.

— Юньшу, нет желаний — нет страха. Человек, у которого нет никаких желаний, ничем не может быть скован. Такой человек очень силен. Но правитель не только не будет использовать такого человека, он его убьет. Потому что правителю нужен тот, у кого есть желания и амбиции. Такого человека можно контролировать, используя то, чего он жаждет.

Гун Юньшу замолчала, а затем благодарно произнесла:

— Благодарю за наставление, принцесса.

Хуа Жоляннь лишь снова слегка улыбнулась и замолчала.

На вторую половину дня Гун Юньшу планировала побыть с Хуа Жоляннь, но генерал Ли и другие военачальники нашли её — завтра отъезд, и нужно было уладить еще множество дел.

Сердце разрывалось от нежелания расставаться. Перед уходом она заворуженно смотрела на Хуа Жоляннь, а та лишь беспомощно, но с явным снисхождением смотрела в ответ. Они молча улыбались, и в глазах каждой была только другая.

Словно взгляд длиною в вечность.

Генерал Ли и остальные, проявив деликатность, отвернулись, глядя куда угодно, только не на них. Все они были рады, что их генерал так ладит с принцессой. Одиноким воинам оставалось лишь молча глотать свою порцию зависти.

Весь день прошел в хлопотах, и дела были наконец закончены. Вечером Хуа Жоляннь не стала вызывать Гун Юньшу. В основном потому, что нянька Лю постоянно крутилась рядом с причитаниями: Принцесса, берегите здоровье. Настроение Хуа Жоляннь в тот момент было

трудно описать.

Настал день отъезда. Очень рано, чтобы не привлечь внимания горожан и не вызвать лишних слухов. Наступила поздняя осень, и внезапно похолодало. Узнав об этом, Хуа Жолянй поспешно приехала проводить её.

У городских ворот Гун Юньшу была в одежде темных тонов. Увидев принцессу, она расплылась в улыбке. Сделав несколько шагов, она сняла свой плащ и накинула на хрупкие плечи Хуа Жолянй.

— Принцесса, не простудитесь.

В её глазах, обращенных к ней, была лишь нежность. Хуа Жолянй собралась завязать завязки, но Гун Юньшу перехватила её холодные руки:

— Принцесса, позвольте мне.

— Ну вот, опять, — проворчал генерал Ли, но на его лице играла улыбка. Глядя на эту сцену, он чувствовал тепло. Остальные воины вновь тактично отвернулись.

Все эти мужчины были родом из военных поселений и были обречены охранять границы. Каждый поход мог стать для них последним. Если у женщины в древности умирал муж, она становилась вдовой, и шанс выйти замуж снова был мал, а жизнь — полна страданий. Они вспомнили своих жен, оставшихся на севере — должно быть, она сейчас готовит еду и ждет их возвращения.

Никакие богатства не стоят домашнего уюта.

Принцессы прошлых эпох почти все были своенравными и капризными. Солдаты искренне радовались, что их уважаемый генерал нашел такую жену. Эти суровые воины, глядя на нежную картину прощания, вспоминали о своих семьях, и на их мужественных лицах, покрытых шрамами, сияли счастливые улыбки.

Никто не решался нарушить эту атмосферу, но Гун Юньшу была главнокомандующим трех армий. Сдержанность была её долгом, но ей хотелось сказать что-то личное.

— Принцесса, я...

— Юньшу, Север нуждается в твоём управлении, — тихо сказала Хуа Жолянй.

Их взгляды встретились, и обе смущенно отвели глаза в сторону.

<http://bllate.org/book/19781/1949240>